

Безручка.

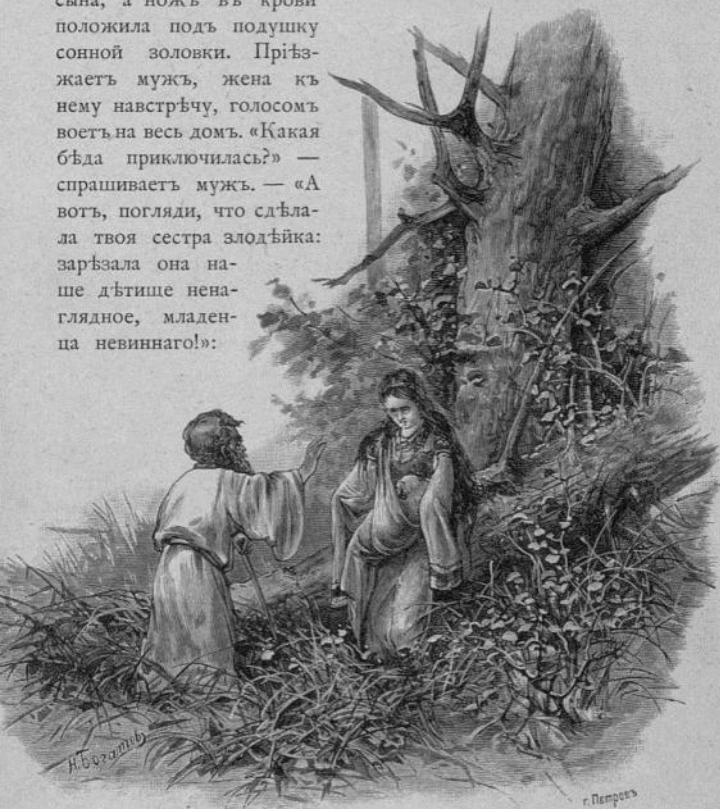
ыло у купца двое дѣтей: сынъ да дочь. Какъ пришло время купцу умирать, говоритъ онъ сыну: «Береги сестру, будь ей вмѣсто меня и не давай никому въ обиду.»

Вскорѣ послѣ того женился молодой купецъ и взялъ къ себѣ въ домъ жену, бабу злую, сварливую. Не влюбила она свою золовку за ея смиренность и покорность, да за то, что мужъ свою сестру въ домѣ хозяйкой поставилъ. И стала злая баба думать, какъ-бы извести золовку.

Уѣхаль разъ молодой купецъ на ярмарку торговать, а жена передъ тѣмъ, какъ вернуться ему, пошла въ конюшню и зарѣзала его любимого коня. Приѣзжаетъ мужъ, жена сидитъ и плачетъ. «Что съ тобой?»—спрашиваетъ мужъ. О чемъ плачешь?»—«Какъ мнѣ не плакать: ты не нагладишься, не надышишься на свою сестру любимую, а она коня твоего зарѣзала на зло тебѣ.» — «Ну, вотъ, есть о чемъ плакать. Конь дѣло наживное, а другой сестры мнѣ не нажить.»

Отлучился мужъ изъ дома опять, а жена взяла да и выпустила на волю его любимого сокола. Встрѣчаетъ мужа и плачетъ. «Что съ тобой?»—спрашиваетъ тотъ.—«А вотъ, посмотри, полюбуйся, что твоя любимая сестрица надѣлала: выпустила она на волю твоего любимого сокола. Ты ей во всемъ потачку даешь, милѣй она тебѣ жены.»—«Э, полно! Есть о чемъ горевать. Соколъ—дѣло наживное, новаго себѣ сыщу, а сестра одна, другой не найдешь.»

Такъ и не удалось злой бабѣ оклеветать свою золовку передъ мужемъ, а какъ уѣхалъ онъ въ третій разъ, задумала она злое дѣло. Разъ ночью взяла ножъ и зарѣзала своего маленького сына, а ножъ въ крови положила подъ подушку сонной золовки. Приѣзжаетъ мужъ, жена къ нему навстрѣчу, голосомъ воетъ на весь домъ. «Какая бѣда приключилась?» — спрашиваетъ мужъ. — «А вотъ, погляди, что сдѣлала твоя сестра злодѣйка: зарѣзала она наше дѣтище ненаглядное, младенца невиннаго!»:

«Протяни локти и пеленай сына,» — говоритъ старичокъ.

Не вѣрять мужъ женѣ, а та и говоритъ: «Коли не вѣришь, пойдемъ къ твоей сестрѣ лиходѣйкѣ, увидишь, — ея это дѣло.» Пришли; спитъ дѣвица крѣпкимъ сномъ, а у ней изъ подъ подушки ножъ торчитъ, весь въ крови. Выслалъ мужъ жену и сталъ сестру будить: «Вставай, сестра, поѣдемъ къ заутрени.» — «Что такъ рано, братецъ, теперь полночь.» — «Чего рано; ваше дѣвичье дѣло такое, — пока косы расчешешь, пока одѣнешься, уберешься, времени много и пройдетъ.» Стала сестра одѣваться, чувствуетъ недоброе ея сердце; руки у ней такъ и опускаются: за что ни возьмется — изъ рукъ валится. А братъ торопитъ, говоритъ: «Скорѣй собирайся.»

Собралась сестра, и поѣхали. Приѣхали въ дремучій лѣсъ, въ самую чащу. Остановилъ братъ лошадь у большого пня, вынулъ топоръ и говоритъ: «Ну, сестра, клади руки на пень.» Горько заплакала дѣвица, стала брата упрашивать: «Братецъ мой милый, за что ты меня загубить хочешь, неповинна я ни въ чемъ, чиста я передъ Богомъ и тобой.» Братъ говоритъ: «Я тебѣ вмѣсто отца сталъ; моя воля и казнить тебя за злыя дѣла. Руки твои кровью невиннаго младенца облиты.»

Видитъ сестра, что не оправдаться ей передъ братомъ, покорилась она и положила руки на пень. Ударилъ братъ топоромъ по рукамъ и отрубилъ ихъ по локти, а самъ повернулъ лошадь и уѣхалъ домой.

Пошла бродить по лѣсу бѣдная Безручка; ходитъ день, ходитъ ночь, а выйти изъ лѣсу не можетъ. Наконецъ отыскала она тропинку и пошла по ней. Долго-ли, коротко-ли шла она и пришла въ большой городъ, въ чужеземное королевство. Подошла подъ окна королевскаго дворца и проситъ милостыню. Вышелъ въ это время на крыльцо королевичъ, увидалъ Безручку, къ себѣ подозвалъ, спрашиваетъ: кто она и откуда. Видитъ королевичъ, что нищенка — красавица писаная, всѣмъ взяла и станомъ и лицомъ, только рукъ нѣтъ, и велѣлъ ее одѣть и помѣстить во дворцѣ.

Приглянулась королевичу Безручка, сталъ онъ часто поглядывать на нее, думать о ней. И приснилось ему разъ: будто приходитъ къ нему старенькій, сѣденькій старичокъ и говоритъ:

«Возьми ты за себя замужъ безрукую дѣвицу, — принесетъ она тебѣ счастье, родится у ней сынъ: по локоть руки въ золотѣ, по колѣна ноги въ серебрѣ, во лбу свѣтлый мѣсяцъ, противъ сердца красное солнце.» Снится королевичу этотъ сонъ другой разъ и третій, и сталъ онъ у отца и матери просить благословенія. Отговариваютъ король и королева сына; что, молъ, тебѣ за неволя жениться на безрукой, а королевичъ на своемъ стоитъ: «Не работать, вѣдь, ей замужемъ, — говорить. — А красоту ея и во снѣ вижу, ночи не сплю.»

Женился королевичъ на Безручкѣ и стали они жить счастливо и весело. Только понадобилось разъ королевичу уѣхать изъ дому на долгое время въ чужую страну, на родину Безручки, и говорить онъ матери: «Коли родится у меня сынъ, извѣсти письмомъ.» Простился и уѣхалъ. Пришло время, родился у Безручки сынъ: по локоть руки въ золотѣ, по колѣна ноги въ серебрѣ, во лбу свѣтлый мѣсяцъ, противъ сердца красное солнце. Написала королева объ этомъ письмо и послала гонца къ сыну. Дорогой заѣхалъ гонецъ переночевать въ домъ къ Безручкиной невѣсткѣ. Вывѣдала обо всемъ злая вѣдьма, подмѣнила письмо, пока гонецъ спалъ, и написала другое, что, молъ, родился у твоей жены уродъ съ собачьей головой. Получилъ королевичъ письмо, прочелъ, погоревалъ и отвѣтилъ: «Что отъ Бога, то все благо, берегите жену до моего приѣзда.» Заѣхалъ гонецъ на обратномъ пути опять въ домъ къ Безручкиному брату. Напоила его невѣстка, злая вѣдьма, утащила письмо и подмѣнила другимъ.

Вернулся гонецъ къ королевѣ, читаетъ она письмо и диву дается: «Прикажи, — пишетъ королевичъ матери, — выслать жену съ сыномъ изъ королевства, въ дремучій лѣсъ, а коли не сдѣлаете по моему, приѣду, и самъ предамъ ее смерти.» Жалко было королевѣ Безручку съ сыномъ, да дѣлать нечего: лучше пусть жива останется, скитается по чужимъ землямъ, чѣмъ умереть ей отъ руки мужа. И велитъ она выслать Безручку изъ королевства. Привязали къ груди ея сына, завезли подальше отъ города и оставили въ дремучемъ лѣсу. Пошла Безручка, куда глаза глядятъ. Долго ходила она; понадобилось ей рас-

пеленать сына,—не можетъ она ничего подѣлать, стоять въ лѣсу и горько-горько плачетъ. Вдругъ видитъ, очутился передъ ней старенькій, сѣденькій старичокъ и говоритъ ей: «О чемъ, красавица, плачешь?» Разказала Безручка ему свое горе. «Ну,—говоритъ старичокъ,—протяни локти впередъ и пеленай сына.» Шевельнула Безручка плечами, вытянула локти и стали у ней руки попрежнему. Смотритъ, а старичка и слѣдъ простылъ, точно его и не бывало.

Обрадовалась Безручка и пошла дальше. Шла она долго и пришла въ свой родной городъ, къ своему брату. Не узнали ее ни братъ, ни невѣстка, пустили переночевать. А въ ту пору, королевичъ, Безручкинъ мужъ, домой возвращался и за непогодой тоже заѣхалъ къ молодому купцу въ домъ, что стоялъ на проезжей дорогѣ. Увидалъ королевичъ свою жену, не узналъ ее. Видитъ, словно-бы похожа на жену, да у той рукъ нѣтъ. Поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее, да и говоритъ: «А, ну-ка, красавица, покажи мнѣ своего ребенка?»—Развернула королева пеленки, и какъ показала сына,—всю комнату такъ и освѣтило: по локоть руки у сына въ золотѣ, по колѣна ноги въ серебрѣ, во лбу свѣтлый мѣсяцъ, противъ сердца красное солнце. Тутъ королевичъ узналъ свою жену, бросился къ ней, сталъ ее обнимать, цѣловать. Королева разказала мужу и брату обо всемъ, что съ ней сдѣлала злая вѣдьма. Схватилъ тогда братъ свою жену, велѣлъ привести изъ конюшни самого лихого коня, привязалъ къ его хвосту злодѣйку жену и пустилъ по полю. До тѣхъ поръ носилъ конь по полямъ вѣдьму, пока отъ нея одна коса осталась, а королевичъ съ женой и ея братомъ, поѣхали домой и стали жить всѣ трое вмѣстѣ.

